

Copyright © 2015 by Sochi State University

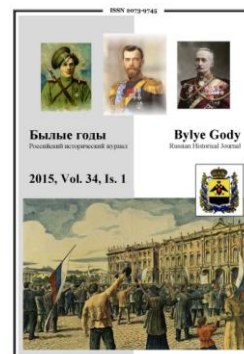
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 14-21, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 903.12; 903.13; 913.1

The Formation of a Reclamation Region around the Amur River Basin in the Late Neolithic Period

¹Vyacheslav G. Shvedov

²Elena V. Stelmah

³Sergei A. Solovchenkov

⁴Andrew B. Golub

¹Sholom-Aleichem Priamursky State University, Russian Federation

69015 Jewish AR, Birobidzhan, Shirokaya street, 70-a

Dr (Geography), Associate Professor

E-mail: i-svg@yandex.ru

²Sholom-Aleichem Priamursky State University, Russian Federation

69015 Jewish AR, Birobidzhan, Shirokaya street, 70-a

PhD (Geography), Associate Professor

E-mail: stelmahlena69@mail.ru

³Institute of complex analysis of regional problems FEB RAS, Russian Federation

679016, Jewish AR, Birobidzhan, Sholom-Aleichem street, 4

PhD (Sociology)

E-mail: solovchenkov@yandex.ru.

⁴Sholom-Aleichem Priamursky State University, Russian Federation

69015 Jewish AR, Birobidzhan, Shirokaya street, 70-a

PhD (Pedagogical), Associate Professor

E-mail: andreygolub1981@mail.ru

Abstract

This publication addresses the issue of the formation of an autochthonous reclamation region around the Amur River basin in the Late Neolithic period.

In writing this article, the author employed materials from field research and issue-related publications by a number of major researchers in the area of the geography and archeology of the south of Russia's Far East. Based on an analysis of the geographic position and natural conditions of the area under examination, the author provides a comprehensive characterization of the significance of natural resources in the economic life of the local population.

This has made it possible to identify within the boundaries of the Amur River basin reclamation areas whose formation was associated with a particular economic specialization grounded in fishing as a prevalent economic activity.

The author has conducted an internal territorial differentiation of the reclamation region and singled out four areas each of which had its special characteristics based on the type of activity pursued by the aborigine communities.

The author draws a conclusion about a high economic effectiveness of the Amur reclamation region, which is based on thorough adaptation to local physical/geographic conditions of the environment, which is attested to by quite a lengthy period of its existence.

Keywords: Neolithic period; Amur; the geographical position; natural conditions; natural resources; aboriginal people; the type of farming.

Введение

За несколько последних тысячелетий географическая среда Земли подверглась возрастающему воздействию со стороны хозяйственной деятельности человечества, которая стала одним из ключевых факторов её трансформации. Поскольку этот процесс неразрывно развивается как в пространстве, так и во времени, наибольшим познавательным потенциалом для его изучения обладает историческая география – научная дисциплина, занятая изучением зарождения и развития пространственно-временных перемен самого различного свойства [1].

Материалы и методы

При написании данной публикации были использованы материалы полевых исследований, которые были проведены сотрудниками кафедры географии Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема на территории Среднего Приамурья, их публикации на соответствующую тематику в периодической печати и монографии, а также – труды видных российских географов и археологов. Сложившиеся на этой основе обобщающие выводы и заключения были упорядочены и систематизированы с помощью территориальной реконструкции. Её проведение базировалось на применении следующих методов: библиографического, исторического среза, хорологического, картографического и выборочно-статистического, которые были комплексно объединены в рамках системного анализа и создаваемых на его основе логических построений.

Обсуждение

Историко-географические исследования, вне зависимости от их тематической направленности, могут проводиться на разных уровнях территориального охвата. В данной связи особый интерес вызывает рассмотрение отдельных регионов. Это утверждение основано на следующих позициях:

- изучение последовательного развития форм хозяйствования на отдельных территориях позволяет утверждать, что современное состояние природопользования в пределах ряда конкретных регионов является преемственно-историческим (хотя нередко – и существенно видоизменённым) продолжением более ранних форм их освоения [2];

- выявление такой преемственности позволяет составить более чёткое представление об общей специфике развития региона, определить диапазон антропогенного воздействия на его природную среду, а с другой стороны – оценить особенности влияния этой среды на проживавшие (и ныне проживающие) здесь человеческие сообщества [3].

В настоящее время известны хорошо проработанные, основанные на богатом фактическом материале, реконструкции процесса хозяйственного освоения ряда территорий, которые были построены как зарубежными [4], так и отечественными авторами. Причём российские учёные по преимуществу сосредоточили своё внимание на европейской части страны и Южной Сибири [5; 6].

Полностью признавая познавательную и научную ценность таких трудов, следует заметить, что вне их поля зрения их создателей осталось часть немало иных частей территории России, где развивались крайне интересные, отличавшиеся ярко выраженным своеобразием, процессы хозяйственного освоения. В числе таковых находится и юг Дальнего Востока.

Результаты

История хозяйственного освоения этого региона непрерывно просматривается, от наших дней до, по крайней мере, эпохи мезолита [7]. Разумеется, что в течение этого огромного временного отрезка процесс природопользования здесь существенно видоизменился и диверсифицировался, а его масштаб многократно возрос. Тем не менее, данные изменения происходили достаточно плавно и на основе хорошо различимой преемственности от ранних форм к более поздним [8; 9; 10]. Объём излагаемой публикации не позволяет рассмотреть их в полном формате. Поэтому мы предлагаем остановиться на одном из важнейших освоенческих этапов, который соответствует переходу большей части древнего населения юга Дальнего Востока к земледелию.

Самые ранние следы его обнаружения относятся к VI тысячелетию до НЭ, когда на этой территории господствовали культуры позднего неолита. Начало их изучению было заложено Н.Я. Бичуриным в XIX веке [11]. В текущем столетии эта традиция была первоначально развита В.К. Арсеньевым [12] и А.П. Окладниковым [13], а затем продолжена такими отечественными учёными, как Ж.В. Андреева [14; 15], Д.Л. Бродянский [16], А.П. Деревянко [17], Н.А. Клюев [18], В.Е. Ларичев [19]. Обобщающий анализ результатов исследований этих авторов позволяет утверждать, что в неолите на юге Дальнего Востока сложился обладавший хорошо различимыми «индивидуальными» признаками Амурский освоенческий район (АОР).

Этим термином предлагается обозначать относительно устойчивую во времени крупную территорию, которая отличается от своего окружения преобладающим типом хозяйственного освоения, спецификой вовлечения в этот процесс различных природных ресурсов и социально-экономической организации проживающих (проживавших) в её пределах социумов.

Амурский освоенческий район сложился в нижней и средней частях бассейна реки Амур со всеми её притоками, а также – на Приханкайской равнине и в прибрежной полосе к западу от хребта

Сихотэ-Алинь вдоль Татарского пролива до устья Амура; то есть, в исторически восстановленных границах он вмещался в Амурскую, Еврейскую автономную области, Приморский и юг Хабаровского краёв, а так же – соседствующие с ними провинции КНР Хэйлунцзян и Гиринь.

В первую очередь следует отметить, что эта территория отличается ярко выраженным своеобразием природных условий [20]. Их рассмотрение является в данном случае необходимым постольку, поскольку нельзя игнорировать факт тесного и многостороннего взаимодействия общества и природы. Учёт этой объективной данности тем более актуален при исследовании ранних людских сообществ, которые зависели от окружающей среды в гораздо большей степени, чем современное человечество [21; 22; 23; 24].

Рассмотрению природных особенностей Амурского освоенческого района целесообразно начать с его рельефа, в котором отмечается своеобразное сочетание равнин и горных массивов. Крупнейшими равнинными образованиями являются Зейско-Буреинская, Амуро-Зейская, Среднеамурская, Приханкайская и Дунбэй. Горы в основном смещены на периферийные части АОР, охватывая его с севера (хребты Тукурингра, Джагды, Буреинский), запада (Большой Хинган), юго-востока (плато Чанбайшань) и востока (Сихотэ-Алинь). В целом, это – средневысотные орографические сооружения, максимальные отметки высот которых лишь единично достигают 2,5 тыс. м над уровнем моря. Но сложная внутренняя орография, крутизна склонов и сильная расчленённости делают их труднодоступными. Таким образом, Амурский освоенческий район представлял собой своеобразную природную «чашу» [25], сообщение которой с большинством соседних территорий – Северной и Центральной Азией, островом Сахалин и Корейским полуостровом, изначально было затруднено пограничным рельефом.

Лишь на юго-западе АОР был открыт в сторону всхолмлённой равнины Ляонин, однако здесь горный рубеж сменяется климатическим. В настоящее время по разные его стороны разница в среднегодовых амплитудах температур достигает 8°C, в количестве осадков – до 1000 мм, протяженности вегетационного периода – до одного месяца. Иными словами, равнина Ляонин по своим климатическим условиям более сходна с Великой Китайской равниной или югом Корейского полуострова, что объясняется влиянием на все эти территории тёплого и влажного воздуха, который приходят на них со стороны Жёлтого моря. Что касается Амурского бассейна, то над ним господствует неустойчивая атмосферная циркуляция, обусловленная взаимодействием сразу трех типов воздушных масс – континентальных умеренных, океанических муссонных и арктических. Следствием этого являются резкие сезонные контрасты в температурах, количестве выпадающих осадков, крайняя неустойчивость погодного режима, нестабильность условий прогревания и охлаждения почвы.

Благодаря такой, достаточно чёткой изолированности Амурского освоенческого района, ранние этапы его хозяйственного освоения приобрели собственную специфику, некоторые черты которой оказались уникальными.

Согласно археологическим данным и летописным свидетельствам, с VII по II тысячелетия до НЭ в бассейне Амура проживали сообщества, уровень социально-экономического развития которых, в целом, соответствовал позднему неолиту. Из древних китайских трактатов известно их позднее самоназвание – «сушень».

В VI тысячелетии до нашей эры в АОР появляются первые признаки земледелия. К III тысячелетию до н.э. оно получает широкое распространение, что позволяет говорить о формировании устойчивого автохтонного ареала мотыжной обработки почвы [26]. Относящийся к этому времени культурный слой насыщен обнаруженными мотыг, серпов, ступ, пестов, зернотерок, остатков зернохранилищ. Взятые из него пробы спор и пыльца содержат следы культурных злаков: гаоляна, чумизы, гречихи; из бобовых культур – сои. Следов возделывания иных культурных растений не выявлено. Возможно, что их отсутствие восполнялось сбором дикоросов.

Судя по составу остеомассы кухонных отходов, главным источником животного белка для сушеней являлась рыба, основная масса которой добывалась во время осенней путины.

С приходом осени на Амуре начинался нерестовый ход кеты (*Oncorhynchus keta*), поднимающейся вверх по его течению на две тысячи километров и заходившей во все его притоки. Вслед за тем, после короткого перерыва, начинался столь же мощный по масштабу нерест амурского осетра (*Acipenser schrenkii*). Это был особый период годового жизненного цикла древних обитателей АОР, связанный с заготовкой максимально больших запасов высококалорийного продукта на всю предстоящую зиму и раннюю весну. В местах проживания сушеней обнаружены остатки коптилен, крючки, грузила, гарпуны, палицы для убоя крупной рыбы, приспособления для прядения сетей и придонных тралов, ёмкости для хранения икры объёмом в несколько десятков литров. Можно предположить, что за один путинный сезон поздненеолитические промысловики добывали по несколько десятков тысяч тонн одной лишь кеты.

Согласно И.А. Витверу [27], хозяйственный уклад сушеней принадлежит к категории речных культур. Таковые представляют собой аональный тип освоения, основанный на использовании ресурсного потенциала как самой реки, так и непосредственно прилегающих к ней земель. Таким образом, в бассейне Амура в позднем неолите сложился уникальный, не имевший по своей структуре

мировых аналогов, тип земледельческо-рыболовецкого хозяйства, в котором земледелие и путинное рыболовство играли примерно равную роль в жизнеобеспечении местного населения.

В силу того, что Амурский освоенческий район занимал значительную площадь, в его пределах неизбежно проявлялись внутренние хозяйственно-географические вариации – субрайоны. Каждый из них обладал определёнными отклонениями от основного хозяйственного типажа АОР, что объяснялось локальной вариативностью природных условий и устоявшимися навыками в жизнеобеспечении населения той или иной территории.

Среднеамурский (Амуру-Зейский) субрайон был приурочен к междуречью Амура, Зеи и Буреи, распространяясь от него к юго-востоку до нижнего течения рек Сунгари и Уссури. Его можно считать «эталонным» для АОР, так как именно в его пределах наиболее отчётливо выражено характерное для рассматриваемого периода освоения АОР равновесное сочетание земледельческого и рыболовецкого инвентаря. Остеомасса кухонных отходов почти на 75% состоит из костей лососевых рыб, а почвенный слой сохранил следы долговременной обработки.

Иные виды хозяйственной деятельности в этом субрайоне имели лишь вспомогательное значение. Скудность находок охотничьего оружия и приспособлений, а также – относительно незначительная доля (около 15 %) костей диких млекопитающих и птиц в кухонных отбросах указывают, что охота в жизни здешних определяющей роли не играла. Животноводство было представлено разведением одних лишь свиней (10 % остеомассы), которых, судя по всему, зимой откармливали икрой и вяленой рыбой.

Сунгарийско-Уссурийский субрайон охватывал земли вокруг верхнего и среднего течения рек Сунгари и Уссури, будучи ограниченным с севера горами Малый Хинган, Ванданшань и рекой Бикином.

Более мягкие, чем на Среднем Амуре, климатические условия и более плодородные почвы способствовали перемещению здесь «центра тяжести» хозяйственной деятельности «в сторону» земледелия. Вдобавок, значительное летнее прогревание вод Сунгари и Уссури отрицательно сказывалось на объёме нерестового хода лососевых, который тяготел к более охлаждённым водам главного русла Амура и его северных притоков.

В Сунгарийско-Уссурийском субрайоне следы неолитического земледелия обнаружены не только в речных долинах, но и на склонах водоразделов, а в набор возделываемых культур входили садовые и огородные растения. Следствием более широкого развития аграрной специализации являлась большая численность населения в посёлках – до 800 человек против характерных 100–120 жителей стойбищ Амуру-Зейского района.

Большое значение для населения Сунгарийско-Уссурийского субрайона имели охота и собирательство дикоросов. Причём это объясняется отнюдь не недостатком пищевых ресурсов, а, скорее, видовым разнообразием и высокой совокупной биомассой местных горнолесных и лесостепных ландшафтов.

Обилие дубовых рощ способствовало содержанию крупного поголовья свиней. На роль их разведения указывает доля костей этих животных в кухонных отбросах местного неолитического населения – более 50 % всей остеомассы. Видимо, численность свиней у древних жителей этого района была столь велика, что они широко использовались во время ритуальных жертвоприношений. Так в захоронениях рядовых общинников обнаруживается до 10 свиных скелетов, а в могилах вождей – до сотни [28].

Наименьшим по площади, в составе Амурского освоенческого района являлся Южно-Приморский субрайон. В его состав входили южная часть Приханкайской долины, долина реки Туманной, и морское побережье от залива Петра Великого до Ольгинской бухты. Он отличался, пожалуй, наибольшим своеобразием типа хозяйственного освоения.

Хотя в позднем неолите возделывалось почти 70 % территории этого субрайона, его избыточное увлажнение придавало местному земледелию рискованный характер, который был связан с периодическим затоплением полей или вымоканием урожая на корню.

В силу того, что реки Южно-Приморского субрайона представлены небольшими, хорошо прогреваемыми летом водотоками, нерестовый ход лососевых здесь был скудным. Вместе с тем, близость акватории Японского моря открывала перспективы для развития морепромысла. Обитавшие в его акватории двустворчатые моллюски не только обеспечивали дополнительный источник белковой пищи, но и привели к образованию оригинальной для АОР хозяйственной специализации его древних жителей. Ряд свидетельств позволяет предположить, что суши Южного Приморья не только добывали моллюсков, но и разводили их. На это указывают находки каменных сооружений, схожих по устройству с современными морскими садками. Кроме того, если в нижних слоях кухонных отбросов местного неолитического населения встречаются раковины различных размеров, то в верхних – только крупных особей. Это говорит о том, что к потреблявшимся в пищу моллюскам стал применяться селективный отбор, а численность их стала возросла настолько, что необходимость в поедании мелких особей постепенно отпала [29]. Данные позиции служат доводами в пользу предположения об распространении среди древних жителей Южного Приморья навыков марикультуры.

Северно-Восточный субрайон сложился вокруг нижнего течения Амура – от современного Хабаровска до Амурского лимана. На север он простирался до хребта Тукурингра, а на юге продолжался вдоль основного водораздела Сихотэ-Алиня до его южных склонов.

Показатели природно-климатических условий этой территории наиболее суровые во всём АОР. Практически вся она покрыта горными сооружениями. Здесь круглогодично преобладают низкие температуры. Содержание гумуса в почвах невысокое; значительное распространение имеют участки многолетней мерзлоты.

Всё это не способствовало сколь-нибудь значительному распространению земледелия. Скорее всего, обнаруженные в древних стойбищах Северо-Восточного субрайона признаки хранения и употреблением в пищу зерна свидетельствует о наличии обмена с жителями Среднего Приамурья или Сунгарийско-Уссурийского междуречья.

В этой связи оказывается вполне закономерным, что жизнеобеспечение жителей данного субрайона было связано с сочетанием наиболее архаичных для АОР видов хозяйствования – путинным рыболовством и охотой.

В настоящее время путинный промысел на Нижнем Амуре, где вылавливается более 60 % добываемой нерестовой кеты, гораздо более продуктивен, чем на Среднем. И нет оснований предполагать, что связанная с ним ситуация была иной в неолите. Напротив, раскопы древних поселков Нижнего Приамурья переполнены рыболовецким инвентарем, следами заготовки и едва ли не избыточного потребления в пищу нерестовой рыбы [30].

Вместе с тем, древние жители северо-востока АОР разнообразили свой пищевой баланс за счёт охоты. До 30 % остеомаксы оставленных ими кухонных отходов составлено костями диких млекопитающих и птиц. Значимость их добычи особенно возрастала в те годы, когда заготовленные запасы рыбы и икры оказывались недостаточными из-за слабого нерестового хода или по каким-то причинам пропадали (портились, растаскивались хищниками, захватывались неприятелем и т.д.).

Однако в отличие от Сунгарийско-Уссурийского субрайона, где плотность поголовья и видовое разнообразие дичи в силу биогеографических условий были несравненно больше, охота на Нижнем Приамурье оказывалась весьма трудоёмким занятием. Численность тех видов животных, которые традиционно добывались ради мяса (бурый медведь *Ursus arctos*, лось *Alces alces*, косуля *Capreolus sibiricus*, северный олень *Rangifer tarandus*, куриные и гусеобразные птицы) была, в силу естественно-природных причин, невелика, а их выслеживание отнимало много сил и времени. Возможность для промысла тюленей, дельфинов и морских свинок имела лишь у небольшого числа тех сообществ, которые проживали непосредственно на морском побережье. В следствие указанных причин зафиксированы случаи поедания древними жителями Нижнего Приамурья рыси (*Lynx lynx*), волка (*Canis lupus*), выдры (*Lutra lutra*), белки (*Sciurus vulgaris*), то есть видов, которые традиционно не относились к категории «мясных», и употребление которых в пищу можно объяснить лишь периодически возникавшей нехваткой белков животного происхождения.

Животноводство неолитическим жителям Северо-Восточного субрайона не было известно. Из домашних животных у них имелись лишь собаки, которые, также, забивались на мясо в голодные годы.

Таким образом, тип хозяйственного освоения этой территории представлял собой ту реликтовую форму хозяйствования, которая была присуща более ранней, мезолитической эпохе.

Специфический «облик» Амурского освоенческого района сохранялся на протяжении почти шести тысяч лет, что свидетельствовало в пользу его эффективности и максимальной приспособленности к условиям местной природной среды. За это длительное время он полностью сохранял основные черты своей хозяйственной специализации, углубляя и «доставивая» её новыми компонентами. К примеру, площадь обрабатываемых земель АОР к концу I тысячелетия до НЭ, по оценкам, возросла в 15 раз. Относящиеся к этому времени следы очагов возделывания почвы обнаружены на Нижнем Приамурье и западных склонах Сихотэ-Алиня. Археологические находки указывают на успешный опыт культивации жителями долины Сунгари и Приханкайской равнины риса, который был заимствован ими, скорее всего, из Кореи.

В обработке полей появляется новая для района технология – вспахивание земли плугом. Широкого распространения на исходе неолита она не получила, но, видимо, это объясняется первичностью опыта её внедрения.

Не вызывает сомнений, что с этой новацией связано проникновение в АОР тягловых животных – лошадей и крупного рогатого скота. Их единичные костяки обнаружены в самых поздних культурных слоях амурского неолита и раннего Железного века.

Но, не смотря на столь существенное усиление в хозяйственной специализации древних жителей Амурского района земледельческого компонента, рыболовецкая составляющая в нём, также, не ослабевала. Об этом свидетельствуют те приёмы обеспечения эффективности путинного промысла, которые сохранились у коренного населения этой территории вплоть до XX века. В их число входили: межпоселковые договорённости о нормировании добычи рыбы, регулярная чистка верховий нерестовых рек от растительного опада, перенос вручную части рыбного стада через сложные для его прохода речные перекаты, регулирование численности хищников, питающихся икрой и мальками кеты.

Иными словами, со временем рыбный промысел приамурских аборигенов трансформировался в своеобразную хозяйственную систему, которую ещё нельзя назвать производящей, но и которая ушла далеко вперёд по сравнению с простым изыманием определенного вида ресурса из природной среды без заботы о его воспроизводстве.

В конце I тысячелетия до НЭ в бассейн Амура вторглись центрально-азиатские племена, приведшие с собой многочисленные табуны лошадей и стада крупного рогатого скота; некоторые из их кланов обладали развитыми навыками плужной пахоты на гужевой тяге. Это событие открыло новую, не менее своеобразную страницу в освоении этой территории. Однако её рассмотрение уже не входит в тему данной публикации.

Благодаря проведённому исследованию выделен Амурский освоенческий район (АОР), определены его географическое положение, конфигурация и границы. На основе особенностей природной среды и хозяйственной деятельности древнего населения дана комплексная характеристика этой территории и проведена её внутренняя дифференциация на субрайоны.

Заключение

Амурский освоенческий район сложился в бассейне одноимённой реки в позднем неолите. Его формирование стало результатом глубокой адаптации местного населения к природным условиям территории своего проживания и умелого использования её разнообразного ресурсного потенциала. Жизнеспособность данного района была продемонстрирована длительным периодом его существования, а также тем, что он прекратил своё существование лишь в результате разрушительного внешнего воздействия.

Примечания

1. Жекулин В.С. Историческая география. Предмет и методы. Л.: Наука, 1982. 224 с.
2. Стельмах Е.В., Шведов В.Г. Влияние экономического освоения на формирование антропогенных ландшафтов Еврейской автономной области // Наука и бизнес: перспективы развития. 2014. № 4 (34). С. 141-146.
3. Соловченко С.А., Стельмах Е.В. «Куда ушел крестьянин?» к вопросу занятости сельского населения юга Дальнего Востока России // Фундаментальные исследования. 2014. № 3, часть 3. С. 647-650.
4. Бродель Ф. Что такое Франция? М.: Изд. им. Сабашниковых, 1994. Т. I. 406 с.
5. Жекулин В.С. История сельскохозяйственного освоения ландшафтов Новгородского края / История географии и историческая география. Отв. ред. В.А. Есаков, В.В. Покшишевский, А.В. Соколов. М.: изд. МФ ГО СССР, 1975. С. 12-157.
6. Рюмин В.В. Пространственно-временной анализ исторического ландшафтоведения в Южной Сибири / Историко-географические исследования Южной Сибири. Отв. ред. В.В. Воробьёв, В.В. Рюмин. Иркутск: изд. Института географии СО АН СССР, 1991. С. 4-27.
7. Окладников А.П. Керамика древнего поселения Кондон. Новосибирск: Наука, 1984. 123 с.
8. Гонтмахер П.Я. Нанайцы. Хабаровск: изд. ХГПУ, 1996. 297 с.
9. Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М.: Наука, 1984. 246 с.
10. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
11. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л.: изд. АН СССР, 1950. Т. II. 333 с.
12. Арсеньев В.К. Избранное. Хабаровск: ХКИ, 1998. Т. II. 622 с.
13. Окладников А.П. Далёкое прошлое Приморья. Владивосток: ПКИ, 1959. 292 с.
14. Андреева Ж.В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. М.: Наука, 1977. 240 с.
15. Андреева Ж.В. Проблемы периодизации / Очерки первобытной археологии Дальнего Востока. Под ред. Ж.В. Андреевой. М.: Наука, 1994. С. 86-107.
16. Бродянский Д.Л. Введение в археологию. Владивосток: изд. ДВГУ, 1987. 274 с.
17. Деревянко А.П. Приамурье. I тысячелетие до нашей эры. Новосибирск: Наука, 1976. 384 с.
18. Ключев Н.А. Археология первобытного общества Приморья и Приамурья / Очерки первобытной археологии Дальнего Востока. Под ред. Ж.В. Андреевой. М.: Наука, 1994. С. 55-85
19. Ларичев В.Е. Народы Дальнего Востока в древности и Средние века и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии / Дальний Восток и соседние территории в Средние века. Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1980. С. 8-39.
20. Голубь А.Б. Географическая культура – образ территории – имидж региона // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2012. № 2 (11). С. 17-24.
21. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М.: Высшая школа, 1990. 351 с.
22. Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. 1972. № 2. С. 3-16.
23. Бромлей Ю.В., Бромлей Н.Я. Культура и природа // Вестник АН СССР. Серия историческая. 1980. №10. С. 84-91
24. Тойнби А. Постыжение истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

25. Шведов В.Г. Историческая политическая география Амурского района. Биробиджан: изд. ИКАРП ДВО РАН, 2000. 275 с.
26. Бродянский Д.Л. Два типа древних культур на западном побережье Тихого океана: преддверие цивилизаций / Россия и Китай на дальневосточных рубежах / Под. ред. Д.П. Болотина. Благовещенск: изд. АМГУ, 2001. Ч. I. С. 12-14.
27. Витвер И.А. Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. М.: Географгиз, 1963. 366 с.
28. Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 354 с.
29. Бродянский Д.Л. Введение в археологию. Владивосток: изд. ДВГУ, 1987. 274 с.
30. Окладников А.П. Древнее поселение Кондон. Новосибирск: Наука, 1983. 159 с.

References

1. Zekulin V.S. Historical geography. Subject and methods. Leningrad: Nauka, 1982. 224 p. (In Russian)
2. Stelmach E.V., Shvedov V.G. Influence of economic development on the formation of anthropogenic landscapes of the Jewish Autonomous region // Science and business: development prospects. 2014. No. 4 (34). p. 141-146. (In Russian)
3. Solovchenkov S.A., Stelmach E.V. "Where did the farmer?" to the question of employment of the rural population of the southern Far East of Russia // Fundamental research. 2014. No. 3, part 3. p. 647-650 (In Russian)
4. Brodel F. What is France? M.: Ed. n. Sabashnikovyh, 1994. T. I. 406 p. (In Russian)
5. Zekulin V.S. The history of agricultural development of the landscapes of the Novgorod region / History geography and historical geography. Resp. Ed. V.A. Esakov, V.V. Pokshishevskiy, A.V. Sokolov. M.: Ed. USSR, 1975. p. 12-157. (In Russian)
6. Ryumin V.V. Spatial-temporal analysis of the historic landscape in southern Siberia / Historical-geographical research in South Siberia. Resp. red. V. V. Vorobjev, V.V. Ryumin. Irkutsk: publishing house. Institute of geography of the USSR Academy of Sciences, 1991. p. 4-27. (In Russian)
7. Okladnikov A.P. Ceramics of ancient settlement Condon. Novosibirsk: Nauka, 1984. 123 p. (In Russian)
8. Gontmaher P.Y. Nanai. Khabarovsk: publishing house. KSPI, 1996. 297 p. (In Russian)
9. Smolyak A.V. Traditional economy and material culture of the peoples of the Lower Amur and Sakhalin. M.: Nauka, 1984. 246 p. (In Russian)
10. Sternberg L.Y. Gilyaks, Orochi, Goldy, Negidals, the Ainu. Khabarovsk: Dalgis, 1933. 740 p. (In Russian)
11. Bichurin N.A. Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times. M.-L.: ed. SSSR, 1950. T.II. 333 p. (In Russian)
12. Arsenyev V.K. Favorite. Khabarovsk: KCI, 1998. T. II. 622 p. (In Russian)
13. Okladnikov A.P. Distant past of Primorie. Vladivostok: CRP, 1959. 292 p. (In Russian)
14. Andreeva J.V. Primorie in the era of primitive society. M.: Nauka, 1977. 240 p. (In Russian)
15. Andreeva J.V. Problems of periodization / Essays prehistoric archaeology of the Far East. Edited J.V. Andreeva. M.: Nauka, 1994. p. 86-107. (In Russian)
16. Brodyansky D.L. Introduction to archaeology. Vladivostok: publishing house. FESU, 1987. 274 p. (In Russian)
17. Derevianko A.P. Priamurye. The I Millennium BC. Novosibirsk: Nauka, 1976. 384 C. (In Russian)
18. Klyuev N.A. Archaeology of the primitive society of Primorie and Priamurie / Essays prehistoric archaeology of the Far East. Edited J.V. Andreeva. M.: Nauka, 1994. p. 55-85 (In Russian)
19. Larichev V.E. People of the Far East in ancient times and the Middle ages, and their role in the cultural and political history of East Asia / far East and adjacent territories in the Middle ages. Resp. Ed. V.E. Larichev. Novosibirsk: Nauka, 1980. p. 8-39. (In Russian)
20. Golub A.B. Geographic culture – the way – the image of the region // Bulletin of Sholom-Aleichem Priamursky state university. 2012. No. 2 (11). p. 17-24. (In Russian)
21. Alekseev V.P., Pershin A.I. History of primitive society. M.: Higher school, 1990. 351 p. (In Russian)
22. Andrianov B.V., Chebokarov N.N. Economic-cultural types and their mapping // Soviet Ethnography. 1972. No. 2. p. 3-16. (In Russian)
23. Bromley Y.V., Bromley N.Y. Culture and nature // Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. The historical series. 1980. No. 10. p. 84-91 (In Russian)
24. Toynbee a study of history. M.: Progress, 1991. 736 p. (In Russian)
25. Shvedov V.G. Historical political geography of the Amur region. Birobidzhan: ed. ICARP FER RAS, 2000. 275 p. (In Russian)
26. Brodyansky D.L. Two types of ancient cultures on the West coast of the Pacific ocean: the eve of civilizations / Russia and China on the far Eastern borders / Edited. editor D.P. Bolotina. Blagoveshchensk: ed. ASU, 2001. Ch. I. p. 12-14. (In Russian)

27. Vitver I.A. Historical and geographical introduction to economic geography foreign world. M: Geographic, 1963. 366 p. (In Russian)
28. Derevianko A.P. Early iron age of the Amur region. Novosibirsk: Nauka, 1973. 354 p. (In Russian)
29. Brodyanskiy D.L. Introduction to archaeology. Vladivostok: publishing house. FESU, 1987. 274 p. (In Russian)
30. Okladnikov A.P. Ancient settlement Condon. Novosibirsk: Nauka, 1983. 159 p. (In Russian)

УДК 903.12; 903.13; 913.1

Формирование освоенческого района в амурском бассейне в позднем неолите

¹ Вячеслав Геннадьевич Шведов
² Елена Викторовна Стельмах
³ Сергей Александрович Соловченков
⁴ Андрей Борисович Голубь

¹ Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, Российская Федерация
69015 Еврейская АО, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-а
доктор географических наук, доцент
E-mail: i-svg@yandex.ru

² Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, Российская Федерация
69015 Еврейская АО, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-а
кандидат географических наук, доцент
E-mail: stelmahlena69@mail.ru

³ ФГБУН Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, Российская Федерация
679016, Еврейская АО, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, 4
кандидат социологических наук
E-mail: solovchenkov@yandex.ru

⁴ Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, Российская Федерация
69015 Еврейская АО, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-а
кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: andrejgolub1981@mail.ru

Аннотация. Данная публикация рассматривает вопрос о формировании в позднем неолите бассейна реки Амур автохтонного освоенческого района.

При написании статьи использовались материалы полевых исследований и тематических публикаций ряда крупнейших исследователей в области географии и археологии юга Дальнего Востока России. На основе анализа географического положения и природных условий рассматриваемой территории, дана комплексная характеристика значения природных ресурсов в хозяйственной жизни местного населения.

Это позволило выявить в пределах Амурского бассейна освоенческие области, формирование которых было обусловлено своеобразной хозяйственной специализацией, основу которой составляла рыбная ловля, как доминирующая хозяйственная деятельность.

Проведена внутренняя территориальная дифференциация освоенческого района и выделены четыре области, каждая из которых имела свои особые характеристики, исходя из типа хозяйственной деятельности аборигенных сообществ.

Сделан вывод о высокой экономической эффективности Амурского освоенческого района, основанный на глубокой адаптации к местным физико-географическим условиям окружающей среды, что подтверждается достаточно продолжительным периодом его существования.

Ключевые слова: Неолит; Амур; географическое положение; природные условия; природные ресурсы; аборигены; тип хозяйства.